

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(55/56)=512.3

КАЛМАКИ ДЕШТ-И-КЫПЧАКА (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде)

И. И. Дрёмов

НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области, Саратов
E-mail: iid57@yandex.ru

В настоящее время считается, что название «калмыки» относилось к ойратам, пришедшим на территорию Казахстана в начале XVII в. Русские и западноевропейские документы говорят о калмаках с XV века. Новые данные свидетельствуют, что на Руси знали о калмаках из личных контактов с ними. Имя «Калмак» существовало и часто употреблялось на Руси в XVI в. О калмаках писали и помещали их на картах путешественники и географы Западной Европы: А. Дженкинсон (1558), А. Вид (1537), С. Герберштейн (1526), М. Меховский (1521), Фра Мауро (1459), А. Контарини (1475) и др. Калмаки играли значительную роль в политической жизни государственных образований Средней Азии, Казахстана и Поволжья задолго до прихода сюда ойратов.

Ключевые слова: калмаки, калмыки, ойраты, Дешт-и-Кыпчак, XV–XVI вв.

Kalmaks of Desht-i-Kipchak (to the Problem Tyurkization and the Islamization of Mongolians in the Gold Horde)

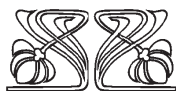
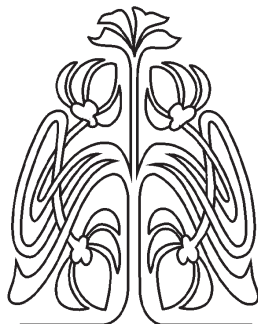
I. I. Dryomov

It is now believed that the name «Kalmyks» was concerned with Oyrats who came to the territory of Kazakhstan in the early 17th century. Russian and Western European documents write about Kalmaks since the fifteenth century. New data show that in Russia they knew about Kalmaks from personal contacts with them. The name «Kalmak» existed and was often used in Russia in the XVI century. West European travellers and geographers Jenkinson (1558), A. Vid (1537), S. Gerbersteen (1526), M. Mekhovskiy (1521), Fra-Mauro (1459), A. Contarini (1475) etc. wrote about Kalmaks and marked them on the maps. Kalmaks played a significant role in the political life of the State structures of Kazakhstan, Central Asia and Volga region long before the arrival of the Oyrats here.

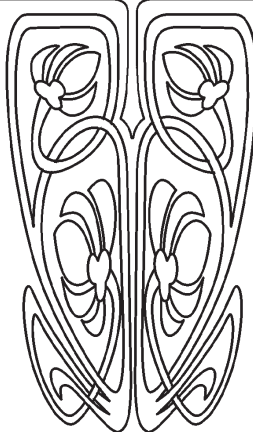
Key words: kalmaks, kalmyks, oyrats, Desht-i-Kipchak, XV–XVI centuries.

Известно, что предки современных калмыков, ойраты, продвинулись на запад, в казахские среднеазиатские и поволжские степи на рубеже XVI–XVII вв. Но задолго до этого в различных источниках изредка встречается название «калмаки» по отношению к какой-то группе кочевников, обитавших к востоку от Волги и Яика. Например, С. Герберштейн, посещавший Московию в 1517 и 1526 гг., писал, что «другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют *калмуками* (Kalmuchi)»¹. Н. Н. Пальмов объяснял это преждевременное свидетельство тем, что калмаками называли наиболее далёких от культурных центров кочевых татар². Ещё несколько упоминаний о калмаках XVI в., то есть задолго до прихода в казахские степи ойрат-калмыков, известно по русско-ногайским дипломатическим документам. Принято считать, что эти ранние сообщения о калмаках являются свидетельствами эпизодических продвижений (набегов) ойратов далеко на запад, из Западной Монголии или Западного Китая³.

В изучении продвижения калмыков к Волге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, общеизвестен факт, что первые

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

встречи русских с ойрат-калмыками произошли в 1606–1608 гг.⁴, с другой стороны, самым ранним русским документом о калмаках считается указ Ивана IV от 1574 г., приведённый в Строгановской летописи, повелевающий торговать с бухарцами и калмаками беспошлинно⁵; с одной стороны, чуть ли не по годам расписано продвижение ойрат-калмыков к Яику и Волге, в результате которого в 1630–1632 гг. ногайские кочевья подверглись их нападением⁶, с другой стороны, ногайцы отражают натиск калмаков ещё в 1535, 1556, 1560, 1578 гг.⁷

Наиболее ранним упоминанием калмаков современниками, по мнению В. В. Бартольда, являются сведения из Мукаддима (Введение) к «Зафар-намэ» «Книга Побед» Шереф ад-дина Йезди (1425 г.), где название «калмак» употребляется «как будто, не как этнографический, а как географический термин»⁸.

В «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизегаузена приведён отрывок из «Зафар-наме» с подзаголовком «Рассказ о прибытии послов с разных сторон, Тайзи-оглана от калмыков и Шейх-Нур-ад-дина из Фарса»: «Когда луга Дурина, благодаря блеску победоносного поезда Тимура, сделались соперником горного рая, прибыли из Дешта посол Тимур-Кутлуг-оглана и человек эмира Идигу, из Джете также прибыл посол Хызр-ходжи-оглана»⁹. Тайзи-оглан упоминается также в «Книге Побед» Низам-ад-дина Шами как посол из Хатая¹⁰. Отрывок из Йезди В. Г. Тизенгаузен, как и В. В. Бартольд, привёл по рукописи, хранящейся в Британском музее. Употребление названия «калмыки» здесь столь отрывочно, что непонятно даже, о чём идёт речь.

В недавно изданном переводе «Зафар-намэ» А. Ахмедова, осуществлённом по рукописи Института востоковедения АН Узбекистана, как и в переводе В. Г. Тизенгаузена, Мукаддима отсутствует, но эпизод о послах, принятых Тамерланом близ Кабула, а также о Тайзи-оглане, здесь прозрачно связывается с монголами: «И Тайзи Оглан в Великом Юрте взбунтовался против каана, бежал от *калмыков* и пришёл служить к Сахибкирану (Тимуру). Сахибкиран увиделся с ним, очень уважил его и хорошо расспросил. Надел златотканый халат, золотой ремень, дал белый дом, разноцветную присутственную, коней, лошаков, ряды верблюдов и всё, что нужно было для царей, он дал. И Тайзи Оглан остался на службе у Сахибкирана»¹¹. В другом эпизоде этого издания название «Калмык» означает Монголия: «Шатры и царские палаты, сарапарде и тенты, все, что можно описать, было там. Потому что собранная царями Ирана и Турана казна за многие годы от *Калмыка* до Рума, от Хиндустана до Сирии, от Хорезма до Дашти Кипчака, от Руса до Черкаса и от Булгара до Фаранга – все, что было собрано в этих странах, было свезено сюда и собрано»¹².

Британский востоковед Е. Бретшнайдер отмечал самое раннее свидетельство о калмаках у арабского географа Ибн аль-Варди первой половины XIV в. Оно могло бы отодвинуть время распространения этого этнонима до XIII в., но существует проблема с идентификацией и датировкой трудов Ибн-аль-Варди. Долгое время автором космографии «Харидат ал-аджа иб ва фаридат ал-гараиб» («Жемчужина чудес и перл диковинок») считался Зайн ад-дин Ибн ал-Варди (ум. в 1349 г.). Он был известен как автор литературно-поэтических произведений и сочинений канонического характера. Его биография сравнительно хорошо известна. Сейчас считается установленным, что автором космографии являлся представитель того же рода, живший столетие спустя – Сирадж ад-дин Абу Хафиз Омар ибн ал-Варди. Его биография практически неизвестна, что могло послужить возникновению путаницы ещё в арабской литературе, а затем перешло и в труды европейский авторов¹³. В этом случае наиболее раннее упоминание калмаков у этого арабского автора датируется примерно одним временем с тюрским «Зафар-намэ» Шереф ад-дина Йезди, то есть началом XV в., и относилось к событиям эпохи Тамерлана конца XIV в.

Наиболее ранние случаи употребления этнонима «калмак», по всей вероятности, относились ко всем монголам-кочевникам, язычникам или идолопоклонникам, в отличие от монголов, привязанных к культурным центрам, пользовавшихся тюркским языком и принявших ислам. После завоевания монголами просторов Дешт-и-Кыпчака, по словам В. В. Бартольда, «потомки монгольских завоевателей скоро утратили свой язык и приняли тюркский»¹⁴. В. Я. Владимирцов также подчёркивал, что «ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнографической среде более или менее им близкой»¹⁵. К концу XIV в. тюркские языки в значительной степени вытесняют монгольский язык и из государственной сферы, занимая всё большее место при дворе золотоордынских ханов¹⁶. Тем не менее, монгольский язык продолжал сохранять некоторое значение на завоеванных территориях с тюркским населением. Об этом свидетельствует, например, золотоордынская рукопись на бересте XIV–XV вв. из Подгорного, написанная преимущественно на монгольском языке¹⁷. Все 4 известные пайцзы также выполнены на монгольском языке уйгурским письмом. Монгольский язык был главным официальным языком ханской канцелярии эпохи расцвета Золотой Орды¹⁸. В Средней Азии использование монгольского языка в Средневековье, по-видимому, никогда не прекращалось. Н. Н. Поппе во введении к «Мукаддимат ал-Адаб» отмечал, что само существование этого монголо-тюркского словаря в конце XV в. свидетельствует, что монгольский язык в это время всё ещё продолжал сохранять

некоторое значение. Иначе бы этот словарь не переписывали¹⁹.

Ассимиляция монголов тюрками выражалась не только в утрате языка, но сопровождалась, как принято считать, и утратой основных традиционных языческих верований в связи с массовой исламизацией при хане Узбеке. В последнее время тезис о введении Узбеком ислама в качестве государственной религии в улусе Джучи, а тем более о его тотальной исламизации, опровергается в исследованиях А. Г. Юрченко на основании анализа, преимущественно письменных источников²⁰. Степень исламизации в Дешт-и-Кыпчаке преувеличивалась окружающими народами и в Средневековье. Подтверждением этому служит свидетельство Барбаро, встретившего следы языческих культов близ Таны (Азов) в 1436 г. На вопрос: «Каким образом попали сюда язычники?» – он услышал в ответ: «О! О! Их много между нами, но они скрываются»²¹.

Археологи нередко отмечали языческие погребения золотоордынского времени, но это были, как правило, тюркские – половецкие захоронения, совершённые по обряду, отличному от мусульманского²². Погребения, совершённые по языческому обряду, составляют заметную долю в золотоордынских могильниках. Д. В. Васильев из 1825 проанализированных золотоордынских захоронений выделил 251 «языческое» погребение и 545 погребения с отклонениями от мусульманского погребального обряда²³. В последние годы появились работы, выделяющие из мусульманских комплексов буддийские погребения, которые тоже встречаются значительно чаще, чем можно было бы ожидать в мусульманском государстве²⁴. Характерно, что эти комплексы связываются с монгольскими захоронениями (северная ориентировка) и встречаются они не только на раннем этапе, но вплоть до середины XV в.²⁵ С темой изучения монгольского немусульманского – буддийского и языческого населения в Золотой Орде следует связывать и изредка встречающиеся в источниках сведения о средневековых калмаках Дешт-и-Кыпчака.

В тюркоязычных источниках появление калмаков связывается с историческими событиями прихода к власти хана Узбека и введением им ислама в Золотой Орде. В труде анонимного автора середины XV века «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков») сообщается, что ту часть народа из Дешт-и-Кыпчака, которая была обращена в ислам и переместилась в Мавераннахр, стали называть узбеками. Тех же, кто остался кочевать в степях и сохранил язычество, стали называть калмаками, то есть отсталыми или оставшимися. Автор утверждает, что Узбек после прихода к власти «проводил жизнь со всем своим илем и улусом в странах северного (арка) Дешт-и-Кыпчака ещё восемь лет до принятия мусульманства»²⁶.

Перекликается с этими данными повествование Утемиш-хаджи, автора первой половины

XVI в. В «Чингиз-намэ» он рассказывает, что Узбек с калмаками кочевал в Дешт-и-Кыпчаке, когда узнал о смерти хана Токты. Когда он со своими сторонниками прибыл на берега Волги для выражения соболезнования и осуществления принятых у монголов церемоний, ему удалось произвести переворот и захватить власть. Ряд деталей этого повествования заслуживает особого внимания. Автор сообщает, что калмаки выражали скорбь словами «чав-чав», что соответствует калмыцкому «чавас-чавас» и «выражает жалость, сочувствие, сожаление, отчаяние», они сохранились в современном калмыцком языке²⁷. При этом автор отмечает, что как во времена Узбека, так и во время написания «Чингиз-намэ», в этих краях сохранился тот же обычай. Из этого можно сделать вывод, что Утемиш-хаджи называет калмаками язычников монголов, причём они сохранились в восточном Дешт-и-Кыпчаке со времён Узбека до XVI в.²⁸

Относительно прихода к власти хана Узбека и проведения им политики насильственной исламизации Улуса Джучи в источниках и в исследованиях излагаются противоречивые, а порою и взаимоисключающие версии²⁹. Некоторые свидетельства позволяют связывать эти события с появлением на исторической сцене калмаков и этнонима «калмаки». Эти, казалось бы, частные вопросы, как будет показано ниже, позволяют подвергнуть сомнению одно из основных положений в истории изучения Золотой Орды: о полной ассимиляции монголов в тюркоязычной среде Дешт-и-Кыпчака и насильственной массовой исламизации Улуса Джучи в XIV в.

Существует два основных сценария прихода к власти хана Узбека:

- Узбек захватил власть силой³⁰;
- Узбек пришёл к власти мирным путём³¹.

Неоднозначно решается вопрос и об отношении Узбека к исламу в период его прихода к власти, и о роли исламистов. Разногласия колеблются от мнения, что Узбек был ставленником мусульман,³² чьи интересы он стал проводить с самого начала своего ханства, до утверждений, что он первое время не зависел от исламистов, а насаждать в Золотой Орде мусульманство начал спустя годы после начала правления³³. В первом случае подразумевается, что Узбек являлся одним из прямых потомков Чингисхана и имел наследственное право на трон. Во втором случае при вооружённом захвате власти Узбек-хан мог и не принадлежать к аристократической верхушке Чингизидов.

Смысл рассказа Утемиш-хаджи об уничтожении Токтога-ханом всех Чингизидов, являвшихся потенциальными соперниками его старшего сына, – наследника престола и о чудесном спасении младенца Узбека от жестокого деспота, заключается в стремлении доказать законность власти Узбека в силу его происхождения. Согласно «Шаджарат ал-атрак», Узбек принял

ислам только через 8 лет после прихода к власти, а Кутлуг-Тимур, помогший ему получить трон, упрекал его за насильственную исламизацию³⁴. Следовательно, не исламисты привели Узбека к власти, и смена политики Узбека не связана с их давлением. Хайдер Рази, писавший в начале XVIII в., приводил противоположную версию, согласно которой Узбек был мусульманином и был поддержан мусульманами³⁵, но в целом менее противоречивы и более убедительны источники, свидетельствующие, что Узбек узурпировал власть, а затем стал насильственно вводить ислам, избавляясь при этом от соперников.

Некоторое недоверие может вызвать тот факт, что как в «Шаджарат ал-атрак», так и в «Чингиз-намэ» говорится о калмаках как о местном населении Улуса Джучи. Современные калмыки являются потомками кочевых западно-монгольских племён, входивших в союз дербен-ойратов, переселившихся из Западной Монголии и Джунгарии в Казахстан, Южную Сибирь, а затем на Волгу в первой половине XVII в. Обитавшие здесь тюркоязычные народы, а вслед за ними русские и западные европейцы называли ойратов «калмаками», а позднее «калмыками». Сами же волжские калмыки в XVII–XVIII вв. называли себя либо по родо-племенной принадлежности (торгоуты, хошеуты, дербеты...), либо более общим этнонимом – «ойраты»³⁶.

Современное самоназвание калмыков – «хальмг», что фонетически ближе всего к калмыцкому «хольмг» – «смешанный»³⁷. Общепринятой этимологией названию «калмак» является тюркское «калмак» – «остаток», «оставаться», «отсталый» и т. д. Это значение слова подтверждается в приведённом выше эпизоде из «Шаджарат ал-атрак» о принятии монгольскими кочевниками в Дешт-и-Кыпчаке ислама. За оставшимися на месте (на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака) закрепилось название «калмаки», то есть «остаток», «отсталые», а принявшие ислам стали называться «узбеками» и вскоре смешались с тюрками³⁸. Это предание представляется правдоподобным, если учесть, что предки узбеков, как и части казахов, изначально, до принятия ими ислама, были монголоязычны³⁹. Тем не менее, В. В. Бартольд, а вслед за ним А. А. Семёнов считали эту легенду и этимологию этнонима «калмак» фантастичной⁴⁰.

Слишком большая хронологическая разница между приходом на территорию Дешт-и-Кыпчака ойрат-калмыков на рубеже XVI–XVII вв. и временем правления хана Узбека вызывает сомнения в достоверности упоминаний о калмаках Улуса Джучи в источниках XV–XVI вв. Но в различных источниках встречаются отдельные разрозненные упоминания о калмаках, которые в совокупности позволяют определить территорию их обитания в Дешт-и-Кыпчаке. В переписке казахского хана Тевекеля с Иваном Грозным Тевекель именовался «царём казацким и калмацким»⁴¹. Однако

источники не подтверждают подчинения ойратов казахами во второй половине XVI в. Очевидно, речь шла не об ойрат-калмыках, а о калмаках, обитавших в степях степного Казахстана⁴².

В «Книге Большому Чертежу», отражающей географическую ситуацию конца XVI в., говорится: «А мимо тоя горы (Улыг-тау на юго-западе Казахского мелкосопочника), за 40 верст от горы течет река Сурсу (*Сарысу*), в нее пала Кендирлик (ныне река Кенгир) и промеж рек Кендирлик (Кенгир), Сурсы (*Сарысу*) *Казачья Орда да Калмыки*»⁴³. То есть калмыки расположены к северу от Аральского моря в казахских степях, а далеко не в Монголии. Подтверждением тому, что сведения о калмаках являются древними и не были внесены переписчиком в 1627 г., может служить документ из Новгородской Софийской библиотеки 1506 и 1523 гг., содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарьским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай (Кара-Китай, кидани в Средней Азии – *И. Д.*), Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахии, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевризи, Гурзустани, Обези, Гоурзии, Багдат, Темиркабы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, *Калмакы*, Ногаи, Шибаны, Казань»⁴⁴.

Несмотря на прочно устоявшееся мнение, что к востоку от Монголии и Алтая все монголы, пришедшие в Дешт-и-Кыпчак при Чингисхане, к концу XIV в. полностью растворились в местной тюркоязычной среде; несмотря на известный факт, что предки современных волжских калмыков, ойраты, продвинулись из-за Алтая к западу от Иртыша лишь в начале XVII в., имеется значительный ряд не учтённых ранее востоковедами источников, свидетельствующих о проживании между Волгой и Иртышом кочевников, именуемых окружающими народами «калмаками». Не вдаваясь в подробности, перечислим эти свидетельства: Антоний Дженкинсон, 1558 г.; Матвей Меховский, 1521 г.; Сигизмунд Герберштейн, 1526 г.; Антоний Вид, 1537 г.; Себастьян Мюнстер, 1550 г.; Герхард Меркатор, 1544 г.; Йодокус Хондиус, 1606 г.; Гессель Герритс, 1613 г.⁴⁵

Соседство с калмаками оставило след в ономастике северо-западной Руси, где имена Калмык и Колмак имели в XVI в. широкое распространение. На данный момент мне удалось насчитать более 20 антропонимов Калмак и Колмак 1539–1597 гг. и начала XVI в., когда ойраты ещё не могли распространиться по всей русской глубинке. Это имя встречается среди крестьян, дворян, попов, бояр, опричников, то есть во всех слоях населения Руси и по всей территории до Кольского полуострова⁴⁶. В архиве Великого княжества Литовского в так называемой «Литовской Метрике» – в документе, относящемся к 1511 г., в перечне различного инвентаря упоминается калмыцкая узде: «седла на них у шесть гривен;

а узды на них Колмацкие, у гривну»⁴⁷. В летописи за 1559 год говорится о крымских послых Сар да Колмак. Характерно, что через 10 лет, в 1569 году, уже из Москвы в Кафу (Феодосия) с тайной грамотой были посланы рязанские казаки Колмак и Ширяй⁴⁸.

Кроме имени «Калмак», это слово было известно на Руси и как этноним задолго до соприкосновения с ойрат-калмыками. Кроме многочисленных косвенных свидетельств наличия калмаков в Золотой Орде, имеется неопровержимое подтверждение этому в Лихачёвском летописце (1487 г.) при описании «стояния на реке Угре» в 1480 г.: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и колмаки, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»⁴⁹. Это почти на 100 лет раньше указа Ивана IV Строгановым от 1574 г., который считается самым ранним упоминанием калмыков в русских документах. На два десятилетия раньше, в 1459 г., венецианец Фра-Мауро нанёс на своей карте на правом берегу Нижней Волги загадочную надпись: «Calmuzi saga»⁵⁰, а в 1474–1475 гг. Амброджо (Амброзио, Амвросий) Контарини писал о калмаках: «есть, говорят, ещё другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких татар... иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда»⁵¹.

Таким образом, пусть краткими и разрозненными, но многочисленными и разнообразными источниками подтверждается, казалось бы, самое невероятное утверждение Утемиш-Хаджи, говорившего в «Чингиз-нам», что в горах Улуг-Таг, то есть на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака, на северо-западе современного Казахстана в Казахском мелкосопочнике (Сары-Арка) во времена Золотой Орды жили калмаки, а в XVI в. здесь продолжали говорить так же, как и при Узбеке, используя монгольские слова, то есть сохранялась своеобразная этническая группа, именуемая тюркоязычными мусульманами «калмак». Повествование в «Шаджарат ал-атрак» о переходе части кочевников в мусульманство и возникновении при этом узбеков, о сохранении своей языческой религии другой частью кочевников восточного Дешт-и-Кыпчака, то есть калмаками, также отражает реальные исторические события процесса исламизации Улуса Джучи.

В процессе насильственной исламизации многие монголы, включая представителей знатных родов, бежали на окраины государства или за её пределы, например в Московию, где к началу XVI века имя, прозвище или фамилия Калмак стало распространённым во всех сословиях – от крестьян до священников и дворян. Но основные центры расселения калмаков, то есть язычников-монголов, сложились на труднодоступных, удалённых от центральной власти окраинах

Улуса Джучи, в казахских степях и на границах Мавераннахра и Могулистана в горных районах Средней Азии. По языку и культуре калмаки, вероятно, мало чем отличались от западномонгольских и джунгарских кочевников, образовавших союз и называвших себя калмак-ойратами. Всех этих язычников монголов, расселённых на огромной территории и не связанных между собой административными узами, мусульмане, а вслед за ними русские и западноевропейцы, называли калмаками.

Примечания

- 1 Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко / вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 182.
- 2 См.: Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 398–399.
- 3 См.: Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003. С. 39–40.
- 4 История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. I. С. 5, 8, 9.
- 5 Там же. С. 258, 786.
- 6 Там же. С. 289; Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М., 2003. С. 43.
- 7 Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / подгот. текста Н. М. Рогожина. Махачкала, 1995. С. 128; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 122, 371, 372; Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М., 2003. С. 39–40.
- 8 Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 538.
- 9 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном, обр. А. А. Ромаскевичем, С. В. Волиным; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.; Л., 1941. Вып. 2. С. 187.
- 10 Там же. С. 125.
- 11 Шараф ад-Дин Йезди. Зафар-Наме / пер. с перс. А. Ахмедова. Ташкент, 2008. С. 221.
- 12 Там же. С. 356.
- 13 Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М., 2004. С. 490–495.
- 14 Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 193.
- 15 Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М., 1934. С. 125.
- 16 Березин И. Н. Тарханные ярлыки Токтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851. С. 13.
- 17 Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. Т. 2. С. 81–134.
- 18 Кобищанов Ю. М. Империя Джучидов // Очерки истории распространения исламской цивилизации: в 2 т. Т. 2. Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата (середина XIII – середина XIV в.). М., 2002. С. 125–126.

- ¹⁹ *Попте Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб : в 2 ч. М., 1938. Ч. I–II.
- ²⁰ См.: *Юрченко А. Г.* Золотая Орда : между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012 ; *Юрченко А. Г.* Хан Узбек : между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012.
- ²¹ *Барбаро И.* Записки Иосафата Барбаро // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 28.
- ²² *Плетнёва С. А.* Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 ; *Дрёмов И. И.* Погребение воина с джучидскими монетами // СА. 1985. № 4. С. 243–245.
- ²³ *Васильев Д. В.* Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Астрахань, 2009. С. 66–80.
- ²⁴ *Костюков В. П.* Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2006. № 1–2. С. 177–207.
- ²⁵ *Попов П. В.* К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды : сб. науч. ст. памяти В. П. Костюкова. Астрахань, 2011. С. 131.
- ²⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 141.
- ²⁷ Русско-калмыцкий словарь. Элиста, 1977. С. 644.
- ²⁸ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В. П. Юдина ; подгот. к изд. Ю. Г. Баранова ; коммент. и указ. М. Х. Абу-сеитовой. Алма-Ата, 1992. С. 105.
- ²⁹ *Сабитов Ж. М.* Узбек-хан : проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие : в 2 вып. Вып. 2. Казань, 2011. С. 111–115.
- ³⁰ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М. ; Л., 1950. С. 90 ; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 64–65 ; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 105 ; *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 36–52.
- ³¹ *Малов Н. М., Мальшев А. Б., Ракушин А. И.* Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998. С. 105 ; *Мыськов Е. П.* Воцарение Узбека // Вопросы краеведения. Волгоград, 1994. Вып. 3. С. 48–51 ; *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград, 2003. С. 155 ; *Лапина И. Ю.* О смерти Токты и воцарении Узбека в Золотой Орде // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. № 7, ч. 1. Тамбов, 2012. № 7 (21). С. 114–116.
- ³² *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопр. истории. 1974. № 8. С. 42 ; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси) // Русский разлив : в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 134.
- ³³ *Юдин В. П.* Примечания // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 102 ; *Сабитов Ж. М.* Указ. соч. С. 111–115.
- ³⁴ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 141.
- ³⁵ Там же. С. 213.
- ³⁶ *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995. С. 20, 22.
- ³⁷ Калмыцко-русский словарь / сост. : И. К. Илишкин, Б. Д. Муниев, В. Д. Бадмаева, М. О. Шургучинова. Элиста, 1977. С. 595.
- ³⁸ *Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 142 ; *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинабад, 1954. Т. XII, вып. 1. С. 13 ; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. ; Л., 1941. Т. 2. С. 207.
- ³⁹ *Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 275.
- ⁴⁰ *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 142 ; *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. С. 13–18.
- ⁴¹ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах : в 2 ч. СПб., 1864. Ч. 2. С. 101, 302–304.
- ⁴² *Дрёмов И. И.* Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия. Археология. История. Этнология. Вып. 3. Элиста, 2012. С. 104–117.
- ⁴³ *Макшеев А. И.* Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 6. СПб., 1880. С. 305–307.
- ⁴⁴ *Казакова Н. А.* «Татарским землям имена» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 253–256.
- ⁴⁵ *Дрёмов И. И.* Калмаки степей Казахстана XIV–XVI веков // Кадырбаевские чтения–2012 : материалы III Междунар. науч. конф. Актобе, 2012. С. 278–282.
- ⁴⁶ *Дрёмов И. И.* Локализация калмаков XIV–XVI веков и исторические корни калмыцкого эпоса Джангар // Музей в региональном пространстве : презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Сарат. обл. музея краеведения 13–15 декабря 2011 г. / отв. ред. С. А. Мезин. Саратов, 2011 [Труды СОМК. Вып. 22 (13)]. С. 350–363.
- ⁴⁷ Литовская Метрика. Первые три книги судных дел, 1469–1523 гг. // Русская историческая библиотека : в 39 т. СПб., 1903. Т. 20. С. 740.
- ⁴⁸ *Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1 : «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // Исторические записки. 1947. № 22. С. 154–160.
- ⁴⁹ Цит. по: *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2006. С. 45.
- ⁵⁰ *Пачкалов А. В.* К вопросу о локализации топонима Calmuzi Saga на карте Фра-Мауро (1459 г.) // Annali di ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'universita ca' Foscari di Venezia. XLVI, 1. Venezia, 2007. P. 311–318.
- ⁵¹ *Контарини А.* Путешествие Амвросия Контарини // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Отд. 1, т. 1. С. 98–99.